***

Этим "хорошим местечком", куда он согласился её провести, оказался платный общественный туалет. И за скромную плату в виде двух золотых старый и ершистый на вид консьерж дал им право войти... О чём же он в это время думал, когда средних лет человек, крайне подозрительным образом держащий руку на спине этой низкорослой и очень взволнованной дамианки, завёл её внутрь, можно было лишь пытаться догадываться. Но оказавшись наедине, мужчина не стал долго томить - он поставил находящуюся в некотором шоке от того, на что она подписалась ради кулька эклеров Шаос меж двух деревянных писсуаров и задрал ей платьице повыше - при этом всунув его краешек ей в слегка приоткрытый, по этой дурной привычке, ротик, закусив его у неё между губ, а сам полез стягивать с себя штаны.

Что-то он собирался делать, видимо, не совсем стандартное. Но при виде его большого эрегированного члена, она громко сглотнула. И даже несмотря на окружающий её... скажем, не лучший запах - ибо даже более-менее чистый туалет не мог этим похвастаться, она будто бы ощутила именно его солоноватый, немытый амбрэ.

Ему же открылся любопытный вид её мягкого и малость пухлого полуросличьего тела - не выраженной груди с двумя точечками нежно-розовых сосков, плавной и не чёткой линии бёдер и талии, а также рыхленького животика с недостаточно глубоко завёрнутым пупком и упирающейся в край белья складочкой под ним. Там у неё находилась матка. И капелька жирка, тоже. Ну, и конечно же была видна её порочная сердцевидная стигма - помимо того, что пошленькая, так ещё и довольно миленькая, к слову.

- Фё вы... - Не роняя платья, попыталась спросить Шаос о том, что он собирается делать, но некоторое осознание относительно его дальнейших действий пришло само, когда он скрючился перед ней в три погибели и согнутым пальцем зацепился за край её белья, утягивая его вниз, чтобы... даже не снять его, а просто немного оттянуть - лишь бы видеть её пухленькую киску, от которой до сероватой ткани влажными нитями потянулась её выступившая от возбуждения смазка.

А второй он рукой, самым бесхитростным образом, стал дрочить. Как они и договаривались - чтобы ей самой ничего не пришлось делать, хотя подобное и заставило девушку почувствовать себя довольно-таки неловко...

Он мог зажать свой член у неё в руках. Воспользоваться её свободной подмышкой или насовать между пухлых ляжек, в конце же концов - её рот также очень даже годился, но вместо этого он на неё, живого, тёплого и способного шевелиться "человека" стал просто дрочить, шустро наяривая в сторону её красного от смущения лица. Но она не была против. И чувство этой мелочной грязи вызвало у неё лёгкую улыбку - если он считает её достаточно милой, чтобы извергнуться, довольствуясь лишь видом её мордашки и не совсем, чтобы фигуристого тела, то пусть, ей не жалко! Она будет его подстилкой, тряпочкой, единственным предназначением которой является то, чтобы ей вытирали сперму. Одноразовой салфеткой!..

Шаос сузила свои бл*дские глазки, бросая взгляды то на направленный в её сторону член, то на перекошенное в излишнем сосредоточении лицо мужчины. При этом щёчки её ярко пылали, а по мере того, как тональность издаваемых им во время дрочки звуков менялась, становясь более звонкой, влажной и щёлкающей, во рту скапливалось всё больше слюны. И она, от этих неаккуратных сглатываний занятым тканью ртом, тянулась от её уголков рта вниз, стекала по подбородку. Совсем как и там, внизу - её смазка ничем не удерживалась меж гладких и маслянистых половинок её безволосой киски, и оттого каплями опадала в её оттянутое бельё, делая его ещё более мокрым и скользким на вид.

А когда уже носа коснулся слабо сернистый запах пред эякулята, предзнаменуя собой скорое выделение всей "творожной" массы, которой её намеревались угостить помимо эклеров, то отведённый в сторону взгляд (ибо стыдно ей было сильно, но это только усиливало общую степень возбуждения) заметил ещё одну фигуру, что расположилась у самой двери - того самого седого консьержа. Он стоял там, скрестив на груди руки, и с укором покачивал головой.

Он смотрел на неё, на грязную, туалетную девку, пока какой-то непонятный хрен на неё дрочил! А она изнывала от этого жаром и похотью, ей это нравилось!..

Внутри всё закипало. Стыд и вожделение мешались друг с другом и клокотали в бесконечном бурлении, ей было жарко, и душно, и... дыхание срывалось на дрожащей от переизбытка чувств диафрагме, отчего и гортань её бесконтрольно подёргивалась - она уже была готова кончить. Бесконтактно, но очень даже всерьёз!..

Но её опередили. И когда она уже практически хапнула воздуха, чтобы зайтись в долгом стоне - мужчина излился. И первой волной он жирным слоем протянулся по её телу - петелькой обогнув правый сосок, он мазнёй прошёл через весь её пухленький животик и окончился в её оттянутых трусиках. Перед тем как со стоном задрал к потолку голову и уже целенаправленно излился непосредственно в её нижнее бельё, заполняя весь объём между ним и кожей ехидны густой, сильно пахнущей жидкостью, что начала медленно, но неминуемо стекать вниз...

Однако это было не всё - и когда Шаос с глубоким, сдавленным стоном приоткрыла свой рот, отчего платье из него выпало и тут же прилипло к её грязному телу - он выплеснулся ещё раз, метясь в её лицо. И огромный шмат его семени лёг поверх её носа, от щеки до щеки залепив её милое личико... И ещё! Наискось повиснув ей через глаз, он вензелем прошёлся от кончика её носа и до самого лба... А когда девушка, надувая на губах пузырь стекающего по её лицу семени прокряхтела - под действием её ауры, он разрядился и в пятый раз, только теперь повесив свою белую соплю под её вздёрнутым носиком, из-за чего она наплывающими друг на друга волнами стала течь по её губам и подбородку.

Шаос не сдержалась, чтобы не всхлипнуть... Как ей было теперь домой идти? Вытирать прямо платьем?.. Но всё же, она сделала глоток имеющей столь странный привкус слюны и, издав утробный, из самой своей глубины измученный стон - вся на глазах поникла. Выдохнула. А потом виновато, но улыбнулась обоим зрителям, подняв трясущуюся левую лапку и показав им средний и указательный пальцы в своём любимом жесте...

Жар и дрожь начали её отпускать. А мужчина, выдавив ей на губы последнюю каплю своего

грязного нектара, стал собираться. Подтягивать штаны, возиться с ремнём - как услышал за спиной сипловатый голос того старика. И от неожиданности, он аж вздрогнул.

- Эээх, молодёжь! Ходят тут, трахаются по туалетам...

Дамианка сняла с маслянисто-жирного лица малую часть того, чем его покрыли, и со сконфуженным видом уставилась на руку. Что с ней делать потом - она не придумала, поэтому вытерла о... а, ну да - хотела вытереть о внутреннюю сторону бедра, но там и так уже было грязно и липко. И густо пропитанное бельё её так противно сползало под своей тяжестью...

Это она так исправляться решила, да...

Туалетный же консьерж ещё раз с прискорбием покачал головой. Хотя так называемая им молодёжь и представляла из себя почти сорокалетнего дядьку в компании пятидесяти семи летней женщины. По факту, он немногим старше неё и был.

- Знали бы вы, сколько тут таких, как вы, шляется. Нет, чтобы комнату снять, а вы!.. Никакой совести! В туалетах писать принято, а не всё вот это!

Оставив на полу пакет с эклерами, мужчина сделал какой-то не до конца понятный жест и стал пробираться к двери, чтобы пройти за спиной старика и уйти отсюда - ведь у него семья, и всё такое! А то вздумай этот дед какой-нибудь скандал ещё закатить... Зато Шаос к такому не привыкать, вывезет и на этот раз!

Но старик громко щёлкнул запираемым на двери замком, а сам ключ спрятал подвешенным на груди, после чего подошёл к испуганно скалящей зубки девушке и осмотрел устроенный ими на полу беспорядок.

- Какой же вы тут бардак развели! Это же теперь убирать кому-то, вы не думали?

- Извините, я не!.. - Шаос поперхнулась. И, кашлянув, стала с трудом разлеплять слипшиеся веки - всё это теперь повисало на ресницах и лезло в глаза. Противно!..

Однако же до того, как она успела как следует извиниться - старик легонько коснулся её скулы обратной стороной своего сухого, морщинистого пальца.

И девушку прошибло в пот. Он сейчас потрогал её?! И она, попятившись назад, пока не наткнулась на один из писсуаров спиной, с брызгами закрутила головой - да нет, серьёзно, оно не может так закончиться! Да блин, с тем дядькой ей ещё сильно повезло в том, что он согласился её не осеменять, но этот старик поймал её в ловушку и поэтому она вряд ли сможет диктовать ему свои условия! Он её трахнет... и она от него забеременеет! От старого, прокуренного туалетного мастера! Вот почему если она влипает - то всегда так, что потом не вылезти?!

В животике от этих мыслей неминуемо потеплело... Е-её сегодня всё-таки оплодотворят?.. Старым, прокисшим семенем?.. М-мур...

- В-вы меня н*силовать будете, да?.. - Спросила она и нервно улыбнулась.

- Чем же ты меня слушала, а? - Старик опять коснулся её лица, но в этот раз он долгим движением снял с её верхней губы слой этой белёсой массы и с нажимом погрузил его меж её блестящих на свету губ, невольно заставляя это всё обсосать.

Шаос была хорошей и послушной ехидной. И поэтому ничего против этого не имела... Вендь вполне вероятно, что если она будет совсем хорошей ехидной - то её просто отпустят! И взяв его руку обеими лапками - тщательно облизала его палец со всех сторон. Если нужно - она тут ещё и всё уберёт.

Тряпкой, в смысле! Или щёткой какой-нибудь! Но не языком... Слизывать всё это она не станет!

Не станет же, да? Точно не станет! Ей в голову даже мысль прийти не могла, что она на самом деле способна на такое!.. Она же не настолько сильно пала, чтобы... ну...

Но почему-то, да взгляд опустился на пол.

- В туалетах не трахаются. А если ты поможешь старику справить малую нужду - то так уж и быть, я закрою глаза на то, что вы тут устроили. И даже верну вашу двушку.

Сердце в её груди дёрнулось, и Шаос, икая, уставилась на него круглыми от удивления глазами... После чего всё же сощурила левый - а то в него что-то попало.

Что он только что сказал? О-она же не наверняка не расслышала! Он же не предложил ей?..

Старик вытер обслюнявленный палец о её платье и без дальнейших разговоров спустил вниз штаны, обнажив свои сморщенные, поросшие колючей стариковской волоснёй гениталии. А Шаос хоть и заскулила, хоть и заканючила, пытаясь найти поддержки в лице приведшего её сюда мужчины (который уже успел от всего этого абстрогироваться и потому стоял под небольшим окошком у потока и с любопытствующим видом почёсывал подбородок), но чуяла, что сердце в ней не унималось. Оно начинало биться всё быстрее и сильнее, а температура всего тела снова росла.

И от осознания всей гадости предложенного, её сучий огонь опять распалился. Губы задрожали. Рот стал липким от слюны, а между ног, несмотря на то, что там и так всё было пропитано ещё теплым мужским семенем - всё равно потеплело. И Шаос, с мутными, в миг одурманенными глазами, осторожно опустила на пол свой кулёк, чтобы освободившимися руками потянуться к его тощим бёдрам!..

Она - очень плохой человек, да... Да, она это признавала! Она просто ужасна, потому что сейчас она будет пить мочу старика! И ей этого хотелось!..

Только её планы несколько не совпадали с его планами, и поэтому, когда она уже открыла рот и закрыла глаза, приготовившись взять в него полувялый конец... или же поймать струю прямо так, с расстояния, что окончательно бы превратило её одежду в грязную и вонючую тряпку - её взяли за плечи и грубо развернули. А затем рука его легла ей на спину, легонько нажала - то есть, заставила согнуться ниже, пока Шаос, лишь бы не упасть, не была вынуждена схватиться за края деревянного писсуара руками. Таким образом, что головой она оказалась направлена прямо в эту неприятно пахнущую дырку, и...

...и почувствовала, что с неё стянули бельё - старик запустил свои узловатые пальцы ей под юбку и потянул её грязные, липкие трусики вниз, пока не спустил их до самых колен. А потом ухватил её за талию... или бёдра, сказать сложно, но так, что указательные его пальцы оказались на этой нежной складочке на её животе, слегка утопая в ней...

Старик поднял ехидну, задирая её широкую попку вверх так, чтобы он, подогнув колени (и не преминув во время этого поворчать о том, что старость - не радость), смог ввести в неё свой лишь наполовину отвердевший старческий член. До тех пор, пока с влажным чавканьем, выдавливая из неё обильную смазку и то, что попало на член во время прикосновения, не прижался головкой ко входу в её матку... Прямо серой головкой к этому её пухлому бублику, чуть нажав его и собой приоткрыв.

И от этого Шаос стало страшно. Ведь "там" она была грязной - и мало того, что ему должно было быть противно, так ещё и... о-от этого имелся небольшой шанс, что она всё-таки залетит! Но потом страх развеялся от осознания того, что же именно он собирался сделать. И, испуганно глядя перед собой своими большими тёмно-синими глазами, ехидна ощутила внутри себя толчок. И изнутри её матку окатило волной тепла. Влажного, растекающееся по её телу тепла. Отчего по бёдрам её прокатилось несколько тоненьких струек, а внутри засвербело и зачесалось. Жёлтая, пенящаясся жидкость стремительно наполняла ей матку - и прошло совсем немного времени, пока её ни заполнило полностью, с пощипыванием омыв собой до самых яичников... А потом давление продолжило только расти: её распирало и раздувало, под пальцами его становилось туго, а мягкий животик терял свою мягкость и постепенно набирал объём, упругость!...

Он ссал в неё. Старый, ссохшийся дед в неё ссал! И Шаос, высунув мокрый, капающий слюной прямо в дурно пахнущий писсуар язычок - блаженно прокряхтела.

- М-меня наполняют.... наполняют до самых клаёв! Я... была плохой! Въедной ехидной! А-аааах... - Она опустила лицо вниз, чтобы видеть, как её бёдрам что-то стекало... но в гораздо большем объёме он оставался внутри, прямо в ней! В её похотливом, ехидновском животике. Пухленьком и уже лишившимся всех этих складочек! Ставшим словно подушечка... - Незнакомый... гъязный стайик ссыт в меня, уааа!... Как в...

Приведший сюда Шаос мужик смотрел на всё это с широко открытым ртом - и в штанах его опять началось движение. Это хоть и было грязно, мерзко и противно - вид того, с какой охотой

и наслаждением эта ехидна позволяла делать с собой такое, его заводил. И когда старик, прокряхтев, поставил срывающуюся в дыхании девушку на пол и вытащил из неё свой влажный, капающий мочой член - то он сию же секунду занял освободившееся место и также ввёл в неё свой конец, пока не подпёр её наполненную жидкостью матку, с силой надавливая на её кервикс. Он влажно слипся с ним, будучи поцелованным этим колечком в самый кончик его головки - и также начал спускать в неё всё накопленное за последние шесть часов...

- Н-ну вот!.. - Прокряхтела девушка, когда её задница снова была задрана вверх, а матка ощутила ещё больше натяжения, храня в себе уже более полу литра мочи. И насколько могла обернулась, показывая расслабленно уставившемуся перед собой мужчине своё красное и влажное ещё и от слёз лицо. И всё же, она с удовольствием жмурилась, а дрожащие губы кривились в улыбке. - Н-ну вот! Вот, всем... всем з-захотелось написать в Шаос! Л-ладно, давайте, п-пока я доблая... но только до последней капли! Я потом пловейю!..

***

Шаос вышла на волю и тут же почуяла, как её стало сквозить ветерком. Её лицо. Её пропотевшее, с прилипающим к нему платьем тело. И ноги... Не в силах ещё нормально соображать, она прямо там, на улице, задрала подол и осмотрела свой живот - большая часть мочи в ней так и осталась, из-за чего он сейчас был плотненьким и выступал вперёд поболее, чем обычно. И забавно пружинил когда она попробовала попрыгать на месте - хотя делать этого не стоило, и жидкость из неё норовила вырваться, делая стенки её трубы мокрыми. А ещё это внутри немного пощипывало. Что же касательно белья, то... то хвост надо было держать как можно ниже. Ибо оно было настолько грязным, что любой, кто увидит его, решит ясно - она обоссалась.

А ей не хотелось, чтобы о ней думали, как о какой-то ссыкухе... И поэтому, когда её окинул внимательным взглядом случайный прохожий (пока она там стояла, задрав платье) - то она быстро замахала руками и невпопад пропищала:

- Это не моя! Меня плосто описали!!

Насколько это оправдание сработало - она не знала. Но ходу тот припустил знатно. Настолько, что ей даже захотелось над ним вслед пошутить и предложить сделать с ней то же самое, но всё же передумала - а то вдруг он согласился бы?

Л-ладно.... Главное, что метка на её животе не светилась. И еды на какое-то время должно было хватить. А ещё и свою жажду похоти удовлетворила.... И потому, вытерев напоследок лицо подолом платья (всё равно оно было грязным, а так хоть лицо будет почище), Шаос отправилась домой. С болью представляя то, о чём опять подумают слуги, когда увидят её...

***

У самых ворот, девушка остановилась и сделала глубокий, успокаивающий себя вдох.

- Так, Лиз... Всё будет хоосо! Ты посто войдёс, как ни в тём не бывало, и плойдёшь в ванную комнату... И никто и не узнает, сто с тобой стало!..

Она отёрла лицо ладонью - вроде бы, на ней ничего не блестело. Взъерошила, а затем пригладила волосы - с ними всё обстояло похуже. Они слипались... Платье же, вроде как, уже подсыхало и ничего особенно страшного на нём видно не было. И под ним точно никто не должен был заметить странностей с её животиком - оставленное в нём никак не хотело вытекать, отчего он всё ещё выглядел слишком натянутым. Но не искать же ей сейчас было какое-нибудь укромное место, чтобы выдавить это из себя? Главное, что с белья у неё не капало и его, будучи просто сырым и странно пахнущим, можно было попытаться спрятать, не сильно размахивая хвостом и не поворачиваясь ни к кому задом. А вот с чулками она приняла решение на время расстаться - те были слишком грязными, и желтые подтёки на них спрятать было никак невозможно. И неуклюже, но лишь бы не упасть, ехидна стянула их с ног, чтобы спрятать в клумбе с цветами. Она вернётся за ними завтра... Главное - не забыть. А то жалко будет их потерять...

И с такими приготовлениями, она юркнула в калитку, попадая на территорию особняка. Где мелкими шажками, невольно скаля зубки и на ходу одёргивая платье, прошла к дому. Поднялась по ступеням и зашла внутрь. Опять сделала вдох, зажмурилась...

В зал целой кучкой вышли слуги. Другая группа показалась на опоясывающем периметр комнаты карнизе второго этажа. И они смотрели на неё, из-за чего девушка громко сглотнула и стала бочком пробираться к двери, что вела в боковой коридор - туда, где была расположена ванная комната.

Её бросило в пот. А под дрожащими, полуприкрытыми веками выступили капельки слёз. Да откуда их тут было столько? Сразу обе смены здесь собрались, что ли? И они только и ждали, что её возвращения? Почём вообще такое к её персоне внимание?!

- Я-яяя под дождь попала!.. - Неумело попыталась она оправдаться. - С-слууусайте, а-а вы не могли бы куда-то...

Но даже если её зрение и не позволило ей с ходу различить их взволнованных лиц, то издаваемое ими молчание пахло какой-то тревожностью. И до неё стало доходить, что было тут как бы и что-то не то.

- Ээээ.... А тё-то слутилось, а?.. Эм.... Папа велнулся?.. - В душе похолодело, а самой стало ещё более душно - ладно там слуги, но ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы отец увидел её в этом состоянии! А то всё ожидание в эти четыре дня пойдёт на смарку!..

Блин... Всего четыре?.. От этого срока, которым она сейчас всерьёз возгордилась, даже ей стало стыдно. И девушка прикусила губу - у неё реально есть некоторые проблемы...

- Он вернулся... - Вышла вперёд Маттиль - и бросила взгляд через плечо, наверх. В направлении комнаты Шаос. - Буквально сразу куда-то ушёл, и...

О чём ей сейчас было думать? Радоваться, что её пронесло? Или же нахмурить брови, задумавшись о том, что этому рядовому событию - желанию прогуляться или уйти по делам - почему-то придали столько значения. Но служанка выдержала паузу, прежде чем произнести свою фразу до конца:

- ...и кажется, он был немного не в себе. И позволил себе принять лишнего. - В ответ на странно сохмуренные брови Лизы, ей пришлось дополнительно пояснить. - Он находился в подвыпившем состоянии. После чего он зашёл к вам в комнату и... устроив там небольшой беспорядок - куда-то снова ушёл. И боюсь, он не сказал, куда именно.

А вот тут и Шаос стало как-то боязно. Она что, его чем-то прогневала? Как бы, вполне могла, но цели такой она перед собой точно не ставила! И ей от этого стало сильно неловко - ведь по натуре своей она всё-таки хороший, добрый человек, и всерьёз кому-то гадить ей не хотелось.

- Тебе лучше самой глянуть! - Басистым голосом произнесла Бофла с балкона - и махнула полукровке, чтобы та поднималась как можно скорей. - Ох, дурное у меня предчувствие!

Шейка девушки дрогнула под ошейником, когда она сглатывала - но всё же, лазурноволосая дамианка опустила уже занесённую над обёрнутой мягкой тканью ручкой двери лапку и медленным шагом, нервно одёргивая на ходу одежду и приглаживая волосы (а ещё чувствуя исходящий от себя запах и опасную тугость в матке, способную в любой момент от волнения вырваться), прошла к лестнице и поднялась наверх. Слуги последовали за ней... За ней, взбираясь по лестнице, то есть сзади и снизу, что делало ракурс её короткой юбки особенно невыгодным...

От стыда, ей захотелось провалиться под эту лестницу, оказавшись в подвале. Там, где хранилось вино - и им бы она как раз и занялась, выдув не одну бутылку в желании это всё позабыть. Но слуги хоть и кривили свои лица, стискивали зубы - они шли следом. И когда девушка вошла в коридор, ведущий в том числе и в её комнату - то уже вся эта братия собралась за ней. Хотя и и осталась стоять в коридоре, когда она зашла к себе за порог. Малкой их хорошо выдрессировал... или же они просто были хорошими, профессиональными слугами, из-за чего и были наняты в этот дом. Одна лишь Маттиль проследовала за дочерью хозяина.

И как её и предупреждали - в комнате её ждал кавардак. По полу были раскиданы бумажные пакеты от пирожков и цветастые конфетные фантики, но главное - отец докопался до тех картонок! И испытав по этому поводу сильный укор совести, она первым делом ногою засунула их под кровать, а уже потом, осторожно удерживая животик рукой, чтобы случайно не напрячь ненужные мышцы, уселась у лежащего на полу ящика на корточки и осторожно, одним лишь пальцем, стала шевелить его содержимое...

Напротив неё, в прилежной позе, склонилась и Маттиль - она тоже стала рассматривать содержимое ящика, стараясь совсем не поднимать взгляда, чтобы не видеть влажные и просвечивающие трусики госпожи. Не обращать же внимание на исходящий от неё запах было сложнее - но она хоть и морщилась, но держалась.

Что же ему здесь было нужно? Деньги? Или... ну, духи, какими когда-то пользовалась её мать? Обсидон? Ничего из этого не пропало. И когда она взяла в руки пачку разномастных визиток - то лишь в задумчивости шлёпнула этой стопочкой по ладони. Странно всё это было, ой как странно и непонятно...

Возможно, если бы её память была бы хоть капельку лучше... Или сама она была бы повнимательнее, то смогла бы заметить какую-нибудь пропажу, а так - увы, она не понимала. И покуда она сидела, склонившись у ящика в непонимании, Маттиль уже начала мелкую уборку, собирая раскиданный по полу мусор...

Шаос это всё очень не нравилось... Но он же вернётся? Просто... нужно немного подождать, да?

***

Существует немало глупых, ничем не обоснованных стереотипов о различных расах. Вроде того, что все карлики пьют пиво, носят рогатые шлемы, рубят бошки гоблинам и что-то вечно куют. Или ковыряются в земле, добывая там то, из чего потом же и куют. По совместительству, ещё и откапывая какое-нибудь очередное древнее зло. В свою очередь эльфы пиво не пьют, но в земле тоже ковыряются, сажая всякие там цветочки и деревца. А ещё они самая лучшая, самая прекрасная, самая мудрая и искусная во всём раса, а единственный их недостаток (ими не признанный) - это задранное до облаков самолюбие. Людей же все (в том числе и сами люди) обвиняют в том, что они только и умеют, что быстро плодиться и всё вокруг себя уничтожать. И что они - самая молодая, даже не заставшая величие былых времён раса. Былых времён, оставшихся в напоминание лишь в виде руин, образовавшихся по какой-то причине до появления этих самых всеразрушающих дикарей, из-за которых все беды якобы и происходят.

Хоббитам же повезло обзавестись репутацией хитрых воров и добродушных, забавных лежебок, которые никогда не носят обувь. Потому что это же так приятно - давить собачьи какашки босыми ногами, а обувь на их большие, сверху обросшие шерстью стопы шить по какой-то причине, видимо, очень сложно.

Малкой вором не был. Зато дядя у него был сапожником, который шил обувь в том числе и для хоббитов...

Нооооо так уж вышло, что когда он в детстве баловался с соседскими мальчишками тем, что в шутку вскрывал по округе все возможные замки - у него это не плохо получалось. И даже сейчас, спустя все эти годы, когда он стал уважаемым банкиром (а все его друзья были либо пойманы на воровстве, либо пролёживали бока в родном Уже (с ударением на "у")) - в кармашке его лежало что? И нет, не кольцо - отмычка!

Буквально в три движения рук, он вскрыл простенький замок на калитке дома - и излишне напористой походкой пьяного человека зашёл внутрь, поднявшись на самый верхний этаж. Как и было указано на той визитке. Однако же проникать со взломом прямо в квартиру не стал - там и замок обещал быть посолиднее, да и шёл он исключительно с деловым предложением,

что не нужно было омрачать такой выходкой. И выдув с прихваченной по пути бутылки дешёвого вина несколько солидных глотков - он с силой забарабанил в дверь.

- Открывай, старый лис! Я знаю, ты там!

И Рольф Кафтон, в этот момент попивавший некое благородное зелье в своём большом кожаном кресле, с сомнением повернул голову на этот стук. Кого там могло принести и без предупреждения? Пахло это уже мутно, но будучи человеком солидным и внушительным, он не стал зажиматься в углу и не дышать, прикидываясь, что его нет дома. Он самым обычным шагом подошёл к двери и выглянул в глазок... замечая на той стороне наполовину лысую башку какого-то недоростка.

- Отпирай, говорю! Разговор есть!

У лорда Кафтона имелось немало врагов. Как среди благородных господ, желающих попасть в городской совет на его место, так и среди всяких преступных дельцов, которых он периодически... пусть и несколько выборочно держал за решёткой в одном из своих заведений. Находились даже какие-то обдолбанные светящейся пылью наркоты, которые якобы не могли больше найти своих родственников, когда приходили их навестить. Но как уже было сказано ранее - он был не из трусливых, а уж бояться какого-то недомерка - тут уж увольте! И он открыл дверь.

- Что тебе надо? - Спросил человек, оглядывая нетвёрдо стоящего на ногах полурослика.

- Рольф Кафтон, грязный ты х*р, верни моего конюха!

- Что ты несёшь, коротышка? Иди проспись! Нет у меня никакого!..

Очередной дегенерат, решил он, и вознамерился хлопнуть перед Малкоем дверью - да только тот успел сунуть бутылку в стремительно сужающуюся между дверью и косяком щель - и та звонко лопнула.

- Ты что творишь?! - Снова, уже на полную распахнул дверь приходящий в ярость Кафтон.

Но хоббит этот тоже не был каким-то там трусом, а алкоголь ещё и лишил его тормозов, поэтому он буром попёр на амбала с отколотым горлышком.

- Рольф Кафтон, ты - старый подонок! Я знаю всё о твоих грязных делишках! Верни моего конюха!

- В жопе я твоего конюха видал, слышишь?! Вали отсюда, пока я тебе!..

Малкой сжал зубы и резко навалился плечом, намереваясь попасть коротконогому человеку прямо в пах, но вместо этого он проскочил в его апартаменты, ибо далеко ему было, старику, до отточенной реакции привыкшего жить в напряжении воротилы. Тот увернулся в сторону, и коротышка смог остановиться лишь пробежав по инерции ещё несколько шагов по коридору, и то едва не упав. Но стоило ему затормозить, как он взревел от злости и снова бросился в атаку, в этот раз намереваясь воткнуть бутылочное горлышко Рольфу в колено!

Но снова победила юность. И трезвость. Реакция человека оказалась быстрее, движения - точнее, а руки - длиннее. И он на упреждение нанёс мощный удар кулаком, одним ударом сбивая разозлённого полурослика наземь. Чего он только вымерить не смог - так это, кажется, место удара. И силу. В конце же концов, не часто он дрался со всякими коротышками. И, кажись, попал тому в голову.

Зато успокоил одним ударом так, что тот уже не собирался более рыпаться.

- Угомонись же, придурок! Ты кто хоть такой? А?

Рольф осмотрел свои брюки - кажется, неизвестный гость не успел его порезать. Ну и хорошо.

- Эй, отвечай, а то я сейчас позову стражу и знаешь, что с тобой будет?

Получив лёгкий пинок в пятку, Малкой лишь слабо дёрнулся от удара, продолжив лежать неподвижно.

- Слышишь? Ты ж там подохнуть-то не решил, а? Вставай давай!..

Но когда же он поднял хоббита за ворот его покрытого свежими бурыми пятнами фрака - тот безвольно свесил голову, а из уха его потянулась тягучая красная линия.

- В-вот же... Сука! - Выругался Кафтон, до хруста сжимая зубы.

http://tl.rulate.ru/book/412/40254